Тобирама бесшумно и уверенно шагнул по темным коридорам башни Хокаге, почти не смыкая глаз, пока он сосредотачивался на своих ощущениях.

Ночь еще не наступила, но рабочий день для большинства уже закончился. В башне было мало людей, за исключением его самого, Анбу и старейшин. Его бывшие ученики. Сарубоби, Кохару и Хомура. Они остались позади, извещенные одним из Анбу, который покинул его отряд, как только он покинул территорию Сенджу.

Он полностью закрыл глаза, недовольный напряженной обстановкой. В принципе, он не должен чувствовать себя в опасности в собственной деревне, но он мог признаться себе, что чувствовал. Его ученики долгое время пропитывались своей властью и положением, собирая людей на свой призыв и придавая вес своим словам. Если бы дело дошло до драки, до спора, Тобирама, скорее всего, не победил бы. Он просто не обладал той властью, которой обладал раньше, и его преданные ученики знали об этом. Однако он также знал, что они не могут начать конфронтацию, им нужно, чтобы он ударил первым. Если люди узнают, что они попытались выступить против своего предшественника, своего сенсея, без должных на то оснований, они окажутся под вопросом и потеряют веру. Не самая большая потеря - удар по их силовой базе, но он надеялся, что это заставит их дважды подумать.

Не смотря ни на что, он не хотел дать им удовлетворения от того, что они застали его врасплох, и не хотел давать им боеприпасы против себя и Наруто.

Открыв глаза, он снова шагнул в дверь кабинета Хокаге, но на этот раз она была оставлена открытой.

В комнате горело несколько свечей, а на столе Сару горела маленькая лампа. Тобирама обнаружил Сару на своем месте за столом, но теперь он стоял и смотрел в окно на раскинувшуюся внизу деревню. На диване сидели Кохару и Хомура, оба в возрасте, как и Сару, но меньше. Они выглядели более мягкими и изнеженными, наслаждаясь привилегиями долгоживущих "мудрых" шиноби. Тобирама приветствовал советы и мудрость старших, но он плевал на то, что старейшины играют такую огромную роль в бюрократической системе. Это доставляло больше хлопот, чем того стоило.

Он уже собирался поприветствовать их, как вдруг заметил силуэт другой фигуры. Лишь по привычке он не подал виду, что удивлен. От него не исходило никакой чакры, и Тобирама уже почти убедил себя, что фигура - это игра света свечи на темной стене, как вдруг заметил характерный шрам в виде буквы X на подбородке мужчины.

Данзо.

Все тревожные сигналы Тобирамы мгновенно взлетели вверх. Почему его хитрый, задиристый, изворотливый ученик скрывает присутствие чакры с помощью печати?

От этой мысли у него заскрипели зубы.

Он собрался с силами, когда за ним закрылась дверь. Между ними повисла тишина, и Тобирама сделал первый шаг, как того требовал протокол. "Хокаге-сама, - негромко поприветствовал он, отводя Сару от окна на пол-оборота. Затем он перевел взгляд на остальных учеников. "Кохару, Хомура, Данзо. Добрый вечер всем вам".

Его единственная ученица-куноичи фыркнула и соизволила повернуть голову в его сторону. "Какая дерзость, Сенджу-сама. Мало того, что вы опоздали, так еще и обращаетесь к старшему совету так небрежно".

Один из самых важных уроков, который он не забывал, когда оказывался за столом переговоров, заключался в том, чтобы никогда не реагировать. Это значит поддаваться, следовать чужой воле, а это самое главное, чтобы проиграть в переговорах.

"Меня вызвали к старейшинам Конохи по вопросу оформления документов". Он поджал губы, не давая понять, что его не впечатлило то, что его вызвали сюда из-за такого обыденного дела, как бумажная работа.

Кохару хмыкнула, а Хомура поправил очки. "Да. Возникла проблема с регистрационными документами на вашего... наследника".

Тобирама спрятал руки в рукава. "Так мне сказали".

Молчание затянулось, и Сенджу почувствовал, как его охватывает веселье. Неужели они действительно думали, что смогут заставить его объясняться, как провинившегося ребенка? Они слишком долго почивали на лаврах. Тобирама с удовольствием повалил их на спину и заткнул уши.

У Кохару, видимо, кончилось терпение, и она нахмурилась. Или нахмурилась еще сильнее. Тобирама собирался доставить себе мелкое удовольствие, сказав Наруто, что она - яркий пример того, как надо набивать морду. "Вы подали заявку на то, чтобы Наруто Узумаки был зарегистрирован как наследник клана Сенджу, и это неприемлемо". Снова тишина, которую Тобирама с огромным удовольствием напустил на себя. "Тебе нечего сказать?!" - прошипела старуха, и он самодовольно одержал первую победу.

"Я просто жду, когда мне сообщат, в чем дело", - ровно ответил он. "Вы говорите так, будто я уже в курсе этой беды".

Хмурый взгляд стал еще глубже, о боже. "Невежество вам не к лицу, сенсей".

"Как и детские оскорбления от тебя, Кохару. И я не твой сенсей. Пожалуйста, прекрати клеветать на меня, ложно ассоциируя с моим именем и кланом".

"Се... Сенджу-сама", - выругалась Хомура, попытавшись назвать его сенсеем. Он всегда был

самым разумным из своих учеников, хотя и настырным. "Пожалуйста, сотрудничайте. Это дело серьезной важности".

"Полагаю, что да, - согласился Тобирама, - если вы меня вызвали. Но я не понимаю, как бумажная работа может быть столь важной".

Наконец, наконец, тень на правой стороне стены сдвинулась. Данзо никогда не отличался терпением, а Кохару и Хомуру было просто детской забавой водить за собой по кругу и возвращать обратно. Если бы он заключал пари, то поставил бы на то, что именно Данзо организовал эту встречу. "Вас вызвали сюда, - начал объяснять старый, дряхлый и калечный старик, - чтобы сообщить вам, что ваш выбор наследника клана неправомерен, и мы не можем его принять". Мужчина шагнул вперед, стукнув тростью об пол. Тобирама пристально посмотрел на него, ища любые подсказки или намеки. Как ни странно, но этот пожилой Данзо сильно отличался от того, который был в его памяти. Его ученик был вспыльчив и безрассуден в своем стремлении показать себя. Когда-то Тобирама легко читал молодого человека, но этот старик был сложен и тверд. Стоик. "Считайте это любезностью, Тобирама Сенджу".

"Любезность?" - повторил он гулким, почти лирическим тоном, не отрывая взгляда от Данзо. "Вы говорите так, будто уже сделали это официально".

Данзо кивнул, его единственный оставшийся темный глаз встретился с его глазами. Тобираме это напомнило спокойное озеро, в котором нет ничего, кроме мертвой воды, не позволяющей ничему расти в нем. "Да. Мы так постановили".

Тобирама поднял бровь. "И все же я не вижу закона, который бы гласил, что Коноха имеет право голоса во внутренних делах кланов". Он поднял подбородок и внутренне проклял себя за то, что когда-либо опускал его, чтобы защитить горло. "Ты позвал меня сюда, чтобы сообщить, что недоволен моим выбором наследника? Вы тратите мое время".

"Клан Сенджу все еще остается кланом Конохагакуэ", - напомнила ему Хомура, как будто он забыл.

"Он по-прежнему должен оказывать уважение деревне", - продолжила Кохару.

Честно говоря, это было похоже на выслушивание капризных детей. Он бы лучше научил их, как аргументировать свои доводы. "Не оскорбляй мой интеллект, - хмыкнул он. "Мы все знаем, что в деревне нет закона, позволяющего деревенским властям вмешиваться в дела кланов. Ни один клан не присоединился бы к Конохе и не позволил бы стороннему источнику указывать им, как они должны управлять своим кланом, учить своих детей и вести свою жизнь". Он написал законы, предотвращающие такой надзор и чрезмерное вмешательство. Мудрец знает, что Тобирама пытался найти способ ввести хоть какое-то порицание за злоупотребления и плохое обращение внутри клана. Проклятый клан Хьюга до сих пор доводил его до мигрени своими настояниями на том, что их кеккей-генкай должен быть защищен печатью Птицы в клетке и что она не является инструментом для рабства. Даже Учиха никогда не прибегал к таким мерам, чтобы не привлекать к себе внимания.

"Ты не можешь объявить случайного ребенка наследником своего клана!" возразила Кохару.
"Этот мальчик даже не Сенджу".

<http://erolate.com/book/4274/151460>